

Л. ТРОЦКИЙ

Кое-что о философии «сверхчеловека»

В последнее время наша журнальная и газетная литература сделалась не в меру почтительной «пред лицом смерти». Есть литераторы, от которых ничего не требуешь и ничего не ждешь — по той простой причине, что с них и взять-то нечего: даже фигового листка они лишены, чтобы прикрыть в случае надобности собственную наготу... К их похвалам и порицаниям мы с полным основанием можем относиться безразлично. Мертвецы сами, они хоронят своих мертвецов...

Не о них в данном случае речь, но о тех литераторах, от которых можно ждать вполне здорового отношения ко всяким литературным и общественным явлениям, хотя бы и осененным смертью-«примирительницей».

В последнее время Россия похоронила Джаншиева¹ и Соловьева, а «Европа» — Либкнехта² и Ницше. Конечно, слишком грубо «пинать», по выражению Н. К. Михайловского, чей бы то ни было «труп ногою», но отвести каждому из этих умерших подобающее место, сообразно с его общественно-литературной физиономией, значит, быть может, оказать ему, как представителю определенной системы убеждений, даже больше уважения, чем неумеренным восхвалением, исходящим из лагеря противников. Вряд ли Либкнехту доставило бы удовольствие, если бы его похвалили в «Московских Ведомостях» или в «Новом Времени», точно так же, как Ницше не был бы рад похвале «Vorwärts'a»³ или напр<имер>, «Русского Богатства». Помнится, скандинавец Киланд⁴ уверяет — и мы вполне верим его искренности, — что все похвалы радикальной прессы не доставили ему столько удовольствия и душевного удовлетворения, как злобная брань журнальных обскурантов.

Если о мертвых полагается либо ничего не говорить, либо говорить «хорошо», то... лучше уж красноречиво промолчать,

чем затемнять истинное общественное значение умершего ничего не значащим потоком елейных восхвалений. Мы можем и должны беспристрастно относиться к личностям наших общественных противников, отдавая — если найдется время и место — должную дань их искренности и прочим индивидуальным добродетелям. Но противник — искренний он или неискренний, живой или мертвый — все же противник, особенно литератор, в своих трудах живущий даже после своей смерти — и замалчивая это, мы совершаем общественное преступление: «отсутствие активного противодействия, — говорит славный русский мыслитель, — есть пассивная поддержка». Этого не полагается забывать даже пред трагическим лицом смерти.

Вышесказанные соображения натолкнули нас на мысль посвятить несколько слов недавно умершему философу Фридриху Ницше, собственно тем сторонам его учения, которые касаются его общественных воззрений и суждений, симпатий и антипатий, социальной критики и социального идеала.

Философию Ницше многие объясняют складом его личности и его жизни. Будучи человеком незаурядным, он не мог-де пассивно примириться с положением, в которое его поставила болезнь. Вынужденная оторванность от общественной жизни должна была натолкнуть его на выработку такой теории, которая не только давала бы ему возможность жить при указанных условиях, но и осмысливала бы эту жизнь. Как следствие его болезни явился культ страдания. «Вы желаете, насколько возможно, *уничтожить страдание*, а мы, кажется, мы хотим увеличить его, сделать его более сильным, чем оно было... Культ страдания, *великого* страдания — разве не знаете вы, что только этот культ вел до сих пор человека ввысь»*.

«В этих словах, — говорит Алоиз Риль⁵, — слышится голос больного, который превратил страдания в воспитательное средство для воли».

Но культ страдания есть только частность — и притом не весьма характерная — философской системы Ницше, частность, неосновательно выпячивавшаяся на передний план некоторыми критиками и истолкователями нашего философа. *Социальной осью* всей его философской системы (если бы только писания Ницше разрешено было оскорбить столь вульгарным в глазах их

* Мы не будем делать указаний на соответственные страницы сочинений Ницше, так как нумерация восьмитомного, не считая дополнительных томов, собрания произведений Ницше — слишком тяжелая артиллерия для газетного фельетона.

автора термином, как «система») является признание преимущественного права за некоторыми «избранными» пользоваться всеми благами жизни безданно-беспошлинно; эти счастливые избранники освобождаются не только от труда созидательного, но даже от «труда» господства. «Для вас вера и служение (Dienstbarkeit)! — такова участь, которую Заратустра представляет в своем идеальном обществе обыкновенным смертным, тем, которых слишком много» (den Vielzuvielen). Над ними стоит каста (sic) распорядителей, стражей закона, защитников порядка, воинов. На вершине их находится король, «как высший образ воина, судии и охранителя закона». По отношению к «сверхчеловекам» все это — элементы служебные: они берут на себя «грубую работу господства», служа для передачи массе рабов «воли законодателей». Наконец, высшая каста есть каста «господ», «творцов ценностей», «законодателей», «сверхчеловеков»... Она дает направление деятельности всего социального организма. Она будет играть у людей на земле ту же роль, какую бог, по христианской вере, играет во вселенной...

Таким образом, даже «труд» властвования возлагается не на *самых* высших, но лишь на высших из низших. Что же касается «избранных», «сверхчеловеков», то они, освобожденные от всяких социальных и моральных обязательств, ведут жизнь, полную приключений, веселья и смеха. «С того момента, как я живу, — говорит Ницше, — я хочу чтобы жизнь лилась через край и была настолько расточительна, настолько тропична во мне и вне меня, насколько это лишь возможно».

Выше говорится о культе страдания. Подразумевается страдание физическое, от которого часто не может избавить «сверхчеловека» никакая преданность «рабов». Что же касается страданий, связанных с общественным неукладом, то от них «сверхчеловек» должен быть, разумеется, вполне свободен. Если для «сверхчеловека» (да и то лишь для сверхчеловека im Werden — в процессе становления. — *Ред.*) еще остается какой-нибудь обязательный труд, так это труд самоусовершенствования, заключающийся в тщательном вытравливании всего, что напоминает собой «сострадание». «Сверхчеловек», поддавшийся чувству сострадания, жалости, участия, совершает падение. По старой «таблице ценностей» сострадание есть добродетель; Ницше считает его высшим искушением и самой ужасной опасностью. «Последний грех» Заратустры, самое страшное из всех бедствий, которые он должен претерпеть, есть сострадание. Если он смягчится над несчастным, если он тронется видом горя, то судьба его решена: он побежден, имя его должно

быть вычеркнуто из подушных списков касты «господ». «Повсюду, — говорит Заратустра, — звучит голос тех, которые проповедуют смерть, и земля полна таких, которым необходимо проповедовать смерть — или “вечную жизнь”, — прибавляет он с голым цинизмом, — это для меня все равно, только бы они поскорее убирались (dahinfahren)».

Раньше чем приступить к построению своего положительно-го идеала, Ницше должен был подвергнуть критике господствующие ныне общественные — государственные, правовые, и особенно моральные — нормы. Он нашел нужным «переоценить все ценности». Какой, по-видимому, безграничный радикализм, какая потрясающая смелость мысли! «Никто до него, — говорит Риль, — не рассматривал еще ценности нравственности, никто не посягал на критику нравственных принципов». Мнение Рили не стоит особняком, что не мешает ему, впрочем, быть совершенно неосновательным. Человечество неоднократно ощущало надобность в коренной ревизии своего морального багажа, и многие мыслители совершали эту работу с большим радикализмом, с большей глубиной, чем Фр. Ницше. Если в системе последнего что-нибудь оригинально, то не самый факт «переоценки», а скорее уж исходная точка ее: стремления, потребности, желания «сверхчеловека» с лежащей в основе их «волей к власти» — таков критерий для оценки прошлого, настоящего, будущего... Но и это — оригинальность сомнительного свойства. Сам Ницше говорит, что при исследовании господствовавших и господствующих моралей он натолкнулся на два основных течения: мораль господ и мораль рабов. «Мораль господ» и является основой для поведения «сверхчеловека». Этот двойственный характер морали действительно проходит красной нитью через всю историю человечества, — и не Ницше открыл его. «Для вас вера и служение», — говорит, как мы уже слышали, Заратустра, обращаясь к тем, которых слишком много. Самая высшая каста есть каста «господ», «творцов ценностей». Для господ, и только для них одних, создана мораль сверхчеловека. Как это ново, не правда ли! Даже наши помещицы времен крепостного права, на что уж мало знавшие, и те знали, что существуют люди белой и черной кости, — и что требуется от первых, то строго порицается во вторых. Так, им было доподлинно известно, говоря словами гениального сатирика, «что дворянину не полагалось приличным заниматься торговлею, промыслами, сморкаться без помощи платка и т. п. и не полагалось неприличным поставить на карту целую деревню и променять девку Аришку на борзого щенка; что крестья-

нину полагалось неприличным брить бороду, пить чай и ходить в сапогах и не полагалось неприличным пропонтировать сотню верст пешком с письмом от Матрены Ивановны к Авдотье Васильевне, в котором Матрена Ивановна усерднейше поздравляет свою приятельницу с днем ангела и извещает, что она, слава богу, здорова» («Сатиры в прозе») ⁶.

«Его мысли, — соглашается даже один из некритических критиков Ницше, — если снять с них их парадоксальную или высокопоэтическую форму, в которую они облекались под его пером, очень часто гораздо менее новы, чем это кажется с первого взгляда» (*Lichtenberger. Die Philosophie Fr. Nietzsches*) ⁷.

Но если философия Ницше и не столь уж оригинальна, как это может показаться сразу, но все же настолько своеобразна, что для объяснения ее приходится будто бы обратиться исключительно к сложной индивидуальности ее автора, то чем объяснить, что в самое непродолжительное время она приобрела такое количество адептов; чем объяснить, что «идеи Ницше для многих, — по выражению Ал. Рилля, — сделались символом веры»? Объяснить это можно лишь тем, что почва, на которой выросла философия Ницше, не является чем-то исключительным. Существуют обширные группы людей, поставленных условиями общественного характера в такое положение, которому, как нельзя лучше, соответствует философия Ницше.

В нашей литературе уже несколько раз сравнивали Горького с Ницше. Сразу может показаться странным такое сопоставление, что общего между певцом самых униженных и оскорбленных, последних из последних, — и апостолом «сверхчеловека»? Есть между ними, конечно, громадная разница, но сходства между ними гораздо больше, чем это может показаться с первого взгляда.

Герои Горького*, по замыслу и, отчасти, по изображению их автора, вовсе не униженные и оскорбленные, не последние из последних, — они тоже своего рода «сверхчеловеки». Многие из них — даже большинство — очутились в своем положении вовсе не потому, что они пали побежденными в ожесточенной общественной борьбе, которая раз навсегда вышибла их из колеи, нет, они сами не могли примириться с узостью современной общественной организации, с ее правом, моралью и пр. и «ушли» из общества... Так говорит Горький. Оставляем всецело на его ответственности такое объяснение: мы остаемся на этот счет при особом мнении. Как идеолог известной обще-

* См. статью «О романе вообще и о романе “Трое” в частности».

ственной группы Горький не мог рассуждать иначе. Всякий индивид, связанный материальными или идеологическими узами с известной группой, не может считать свою группу совокупностью каких-то отбросов. Он должен найти какой-нибудь смысл в существовании своей группы. Основным общественным слоям нетрудно найти такой смысл, опираясь даже на самый поверхностный анализ современного общества со свойственной ему системой производства, необходимыми участниками которого являются эти основные слои. Таковы буржуазия, пролетариат, «умственные рабочие»... Не то с группой, певцом и апологетом которой является Горький. Живя вне общества, хотя и на его территории и на счет его, она ищет оправдания своему существованию в сознании своего превосходства над членами организованного общества. Оказывается, что рамки этого общества слишком узки для ее членов, одаренных от природы исключительными, чуть-чуть не «сверхчеловеческими» особенностями. Тут мы имеем дело с таким же протестом против норм современного общества, какой выходил из-под пера Ницше*.

В Ницше нашла себе идеолога группа, тоже хищнически живущая на счет общества, но при более счастливых условиях, чем жалкий люмпен-пролетариат: это — *паразитенпролетариат* высшего калибра. Состав этой группы в современном обществе довольно разнообразен и тягуч, благодаря крайней сложности и разнообразию комбинаций отношений буржуазного строя; но всех членов этого своеобразного буржуазного рыцарского ордена связывает почти неприкрытое, но вместе с тем — по правилу, но не по исключению, разумеется — и ненаказуемое хищение в самом широком масштабе из фондов общественного потребления без всякого — что особенно подчеркиваем — методического участия в органическом процессе производства и распределения. Как на представителя очерченного типа можно указать на героя романа Золя⁸ «Деньги» — Саккара. Конечно, не у всех искателей финансовых приключений размах так широк, как у знаменитого героя Золя. Типом финансового

* Мимоходом заметим еще одну черту, общую названным писателям: это — уважение, которое оба они питают к «сильным людям». Горький прощает человеку всякий поступок отрицательного (даже для него, для Горького) характера, если он вызван рвущейся наружу силой. Он рисует эти поступки с такой любовью и так красиво, что даже читатель, стоящий на совершенно другой точке зрения, готов увлечься и залюбоваться «силою». Таков старик Гордедев и некоторые другие герои Горького.

авантюриста меньшого роста может служить граф, биржевой игрок, один из героев (плохого) романа Штратца⁹ «Последний выбор» (в переводе имеется в «Сборнике Русского Богатства»).

Но разница здесь только количественная, а не качественная. Вообще говоря, типов этого рода так много в современной литературе, что не знаешь, на ком остановиться.

Не нужно, конечно, понимать сказанного выше в том смысле, что каждый ницшеанец — финансовый авантюрист, биржевой хищник... Ведь распространила же буржуазия, благодаря органической связи своего общества, свой буржуазный индивидуализм широко за пределы собственного класса; то же следует сказать и относительно многих идеологических элементов очерченной группы высшего паразитенпролетариата. Затем далеко не все члены этой последней — сознательные ницшеанцы: большинство из них, вероятно, не знает даже о существовании Ницше, так как сосредоточивает свою психику совсем в другой сфере, — но зато каждый из них ницшеанец *malgré lui-même* (поневоле)...

Нелишне, однако, отметить, что и некоторые чисто буржуазные идеологи уже не раз развивали идеи, во многих чертах приближающиеся к идеям Ницше. Возьмем одного из самых популярных буржуазных мыслителей, английского оракула Герберта Спенсера. Мы встречаем у него то же презрительное отношение к массе, что и у Ницше, хотя и не доведенное до такой страстности, как у последнего; такое же, как у Ницше, восхваление борьбы, как орудия прогресса; тот же протест против помощи погибающим, которые падают якобы по собственной вине. «Вместо того, чтобы поддерживать — вещает буржуазный энциклопедист — основной закон добровольной (!) кооперации, состоящий в том, что каждая выгода должна быть куплена человеком на деньги, добытые им путем производительного труда, они (понятно, кто — *они*. — Л. Т.) стремятся сделать многие выгоды доступными всем, независимо от усилий, потраченных на их приобретение; даровые библиотеки, даровые музеи и т. п. должны быть устраиваемы на общественный счет и сделаны доступными каждому, независимо от его заслуг; таким образом сбережения более достойных должны быть отобраны сборщиками налогов и сделаны средством доставления известных удобств менее достойным, которые ничего не сберегают». Вспомним тут же полемику Н. К. Михайловского против требования Спенсера, чтобы никто не становился между нищетой, пороком и их естественными последствиями, — сопоставим это требование с знакомыми нам уже речами Заратустры: «...земля

полна таких, которым необходимо проповедовать смерть»; не поддерживать их нужно, а толкать, чтобы они скорее падали, — «das ist gross, das gehört zur Grösse»... (это величественно...).

Но здесь и оканчивается сходство — и то весьма условное — между Спенсером и Ницше; Спенсер вовсе не хочет отнять у буржуазии «труд» господства, а вместе с тем высшим типом у него не является человек неприкрытого инстинкта. Буржуазия как класс и капиталистический строй как исторически-определенная система производственных отношений — это два явления, немислимые одно без другого, и Спенсер, как идейный представитель буржуазии, не мог протестовать против буржуазных норм. Если он протестует против помощи слабым, то именно потому, что боится нашествия этих слабых на столь любезный его сердцу общественный порядок, а вместе с тем и на его мирный кабинет, столь хорошо охраняемый этим самым порядком.

Не то у Ницше. Он протестует против всех норм общества, окружающего его. Ему противно все добродетельное, все филистерское. Для него средний буржуа — точно такой же низший тип, как и любой пролетарий. Да это и естественно. Средний буржуа — существо чувствительное. Он сосет медленно, по системе и с прочувствованными сентенциями, моральными поучениями, сентиментальными декламациями на тему о священной миссии труда. Какой-нибудь буржуазный «сверхчеловек» действует совершенно иначе: он хватает, ловит, грабит, рвет с кровью, с мясом и приговаривает: «комментарии излишни»*.

Относясь отрицательно к «здоровой» буржуазии, Ницше встречает и к себе отрицательное отношение с ее стороны. Мы, например, знаем, как отнесся к Ницше один из представителей уравновешенной буржуазной середины, более широковожательный, чем глубокий, до мелочности завистливый и не скупящийся на энергичные выражения — Макс Нордау. «Для систематизации гадости и человеческих отбросов, возвеличенных при помощи чернил, красок и звука парнасцами и эстетиками, — говорит Нордау, — для синтеза преступления, нечистот

* Интересно было бы провести соответственную аналогию между систематическим эксплуататором крепостного крестьянства, средневековым сеньором, — и «сверхчеловеком» феодального общества. Raubritter'ом, возвестившим: «Rauben ist keine Schande, das thun die besten im Londe» («Грабитель — не позор, грабят лучшие люди»). Это ли не «сверхчеловечно».

и болезни, превознесенных представителями демонизма и декадентства, для создания культа свободного и цельного человека по образцу Ибсена нужен был теоретик, и такую теорию, или выдающую себя за таковую, провозгласил впервые Ницше» («Вырождение»). Не лучше относится Нордау и к последователям Ницше; по его словам, «мудрое изречение о том, что нет ничего истинного и все позволено, раздавшееся из уст нравственно помешанного ученого, встретило громкий отклик у всех, кто, в силу морального недочета, питает в себе органическую ненависть к общественным устоям. В особенности торжествует, ввиду великого открытия, *умственный пролетариат больших городов*» (там же).

Люди, строящие свое благополучие на падении какого-нибудь министерства, смерти государственного деятеля, газетном шантаже, политическом скандале, на «понижении» и «повышении», естественно не могут ждать одобрения себе со стороны мещански-добродетельного буржуа и его идеологов. Не лучше, чем Нордау к Ницше, относятся в упомянутом романе Рудольфа Штратца все «добродетельные» герои его, — а в их лице и филистерски настроенный автор романа, — к циничному графу, который, исходя, по-видимому, из той мысли, что «нет ничего истинного и все позволено», смотрит на берлинцев, как на овец, предназначенных для его графской стрижки. И такое отношение добродетельных берлинцев к недобродетельному графу вполне понятно.

Буржуазное общество выработало известные кодексы морали, права и пр., преступить которые строго воспрещается. Эксплуатируя других, буржуазия не любит, чтобы ее эксплуатировали. Между тем разного рода *Uebermensch*'ы урывают жирные куски из буржуазного фонда «прибавочной стоимости», т. е. *непосредственно* живут на счет буржуазии. Само собой разумеется, что они не могут стать под покровительство ее этических законов. Они должны поэтому выработать этические принципы, годные для их обихода. До последнего времени эта высшая категория паразитенпролетариата не имела никакой цельной идеологии, ничего такого, что давало бы ей возможность оправдать «высшими» мотивами свою хищническую деятельность. Оправдание хищничества «здоровой» промышленной буржуазии ее историческими заслугами, ее организаторскими способностями, без которых якобы не может существовать общественное производство, это оправдание, само собою разумеется, не годится для рыцарей *hausse* и *baisse* (повышения и понижения), финансовых авантюристов, «сверхчеловека» биржи, по-

литических и газетных шантажистов *sans scrupule* (без совести), словом, всей той массы паразитического пролетариата, который плотно присосался к буржуазному организму и тем или иным путем живет — и обыкновенно не плохо живет — на счет общества, ничего не давая ему взамен. Отдельные представители этой группы довольствовались сознанием своего умственно-превосходства над теми, кто позволяет (а как тут не позволить!) себя «стричь». Но вся группа (довольно многочисленная и все растущая) нуждалась в теории, которая *давала бы право* умственно-превосходным «дерзать». Она ждала своего апостола и нашла его в лице Ницше. Цинично-откровенный и высокоталантливый, он явился к ней со своей «моралью господ», со своим «все позволено», — и она вознесла его...

Жизнь всякого благородного, учит Ницше, есть неразрывная цепь полных опасности приключений; он ищет не счастья, но возбуждения игрой.

Находясь в состоянии неустойчивого общественного равновесия, будучи сегодня на вершине житейского благополучия, а завтра рискуя попасть на скамью подсудимых, эта злокачественная накипь буржуазного общества должна была найти для себя гораздо более подходящей проповедь Ницше о жизни, полной приключений, чем мещанскую проповедь умеренности и аккуратности какого-нибудь пошлого и всепошляющего филистера Смайльса¹⁰, — крестного отца только-только начинающего развиваться мещанства, — или чем основанную на строгих рационалистических предпосылках проповедь утилитарной морали Бентама¹¹, — духовного вождя «здоровой», щепетильно-честной (в купеческом, разумеется, смысле) крупной британской буржуазии...

По Ницше, человечество возвысится до «сверхчеловека», когда оно откажется от современной иерархии ценностей и, прежде всего, от христианско-демократического идеала. Буржуазное общество — номинально, по крайней мере, — держится демократических принципов. Ницше же, как мы видели, делит мораль на господскую и рабскую. О демократии он говорит со словесной пеной у рта. Он полон ненависти к помещанному на равенстве демократу, который стремится сделать человека отвратительным, презренным стадным животным.

Плохо пришлось бы «сверхчеловеку», если бы рабы прониклись его моралью, если бы общество нашло слишком унижительной для себя медленную созидательную работу. Вот почему Ницше сам говорит со столь свойственным ему открытым цинизмом в одном частном письме, относительно своего учения,

что обнаружение его «представляет, по всей вероятности, опаснейший риск (Wagnis), какой только бывает, — не по отношению к тому, кто на это отважится, но по отношению к тем, которым он об этом говорит. «Моим утешением, — прибавляет он, — является то, что не существует ушей для моих великих новостей»... Следствием указанной опасности и является двойственный характер морали. Для всего человечества не только нет необходимости следовать «морали господ», которая создана для господ и только для них одних, — но, наоборот: от всех обыкновенных людей, несверхчеловеков, требуется, чтобы они «сомкнутыми рядами делали общее дело», находясь в послушании у тех, которые рождены для высшей жизни; от них требуется, чтобы они находили счастье в добросовестном исполнении тех обязанностей, которые налагаются на них существованием общества, увенчанного незначительным числом «сверхчеловеков». Требование, чтобы низшие «касты» находили нравственное удовлетворение в служении высшим, — тоже, как видите, не особенно ново...

Хотя нередко случается, что члены этого блестящего буржуазного пролетариата находятся у кормила правления, но, вообще говоря, правительственная власть буржуазного общества находится не в их руках. Попадает она к ним в руки вследствие некоторого рода общественного недоразумения, и кончается их правление каким-нибудь крупным скандалом, вроде Панамы¹², Дрейфусиады¹³, Криспиады¹⁴ и т. п. Самый захват власти они совершают вовсе не в видах реорганизации общества, к которому они относятся столь отрицательно, а просто, чтобы попользоваться общественной сокровищницей. Поэтому Ницше, освобождающий своих «сверхчеловеков» даже от труда господства, мог найти себе живой отклик с их стороны и в этом пункте. Lumpenproletariat, этот паразитический пролетариат низшего разряда, в своем отрицании последовательнее поклонников Ницше: он отрицает общество в его целом; для него тесны не только духовные рамки этого общества, но и его материальная организация. Ницшеанцы же, отрицая правовые и этические нормы буржуазного общества, ничего не имеют против тех удобств, которые создаются его материальной организацией. «Сверхчеловек», по Ницше, вовсе не расположен отказываться от знания, благ и новых сил, которых человечество достигло таким долгим, многотрудным путем. Напротив того, все философское миросозерцание (если здесь уместен этот термин) ницшеанцев служит тому, чтобы оправдать пользование благами, в

созидании которых они не принимают никакого даже формального участия.

Хотя Ницше и требует, чтобы всякий раньше, чем быть зачисленным в ряды избранных, ответил на вопрос: «из тех ли он, которые имеют право уйти от ига», но так как для решения этого вопроса он не дал и не мог дать никакого объективного критерия, то утвердительный или отрицательный ответ есть дело доброй воли и хищнических талантов каждого.

Философская система Ницше, как уже не раз указывалось, между прочим, и самим Ницше, содержит немало противоречий. Вот несколько примеров: Ницше, хотя и относится отрицательно к современной морали, но это касается главным образом тех сторон ее (как сострадание, милосердие и пр.), которые нормируют — правда, лишь формально — отношение к тем, «которых слишком много». Что же касается «сверхчеловеков» в их *взаимных* отношениях, то они вовсе не освобождаются от моральных обязательств. Когда Ницше говорит об этих отношениях, он не боится употреблять такие слова, как *добро* и *зло* и даже *почтительность* и *благодарность*.

«Переоценивая все ценности», этот революционер в сфере морали относится очень почтительно к традициям привилегированных классов и гордится тем, что происходит — и то под большим сомнением — от графской фамилии Nietzky! Этот столь прославляемый *индивидуалист* питает самые нежнейшие симпатии к старому французскому режиму, в котором «индивидуальность» имела очень мало простора. Аристократ, представитель очень определенных общественных симпатий, всегда доминировал в нем над индивидуалистом, глашатаем абстрактного принципа.

Ввиду этих противоречий неудивительно, что под знамя ницшеанства могут стать, по-видимому, совершенно противоположные общественные элементы. Какой-нибудь, авантюрист, «непомнящий родства», может совершенно игнорировать ницшеанское почтение к аристократическим традициям. Он берет у Ницше только то, что соответствует его общественной позиции. Девиз: «Нет ничего истинного, все позволено» как нельзя больше пригоден для его обихода. Извлекая из сочинений Ницше все, что может послужить развитию мысли, заключенной в этом афоризме, можно создать довольно стройную теорию, вполне годную для того, чтобы служить в качестве философского фигового листка доблестным героям французской Панамы или... отечественной мамонтовской эпопеи¹⁵. Но рядом с этой группой, которая является всецело продуктом

буржуазного общества, мы встречаем среди поклонников Ницше представителей совершенно другой исторической формации, людей с длинной генеалогией. Мы не говорим о тех, которые, подобно графу в романе Штратца, променяли свои рыцарские добродетели на биржевые акции. Эти люди не принадлежат уже больше своему сословию. Деклассированные, они так же мало обращают внимания на «благородные традиции», как и всякий плебей. Мы говорим о тех, которые еще цепко держатся за обломки того, что когда-то ставило их на вершину общественной лестницы. Выбитые из общественной колеи, они имеют особенное основание быть недовольными современным социальным укладом, его демократическими течениями, его правом, его моралью...

Перед нами Габриэль д'Аннунцио¹⁶, знаменитый итальянский поэт, аристократ по рождению и убеждениям. Мы не знаем, называет ли он себя ницшеанцем, и вообще в каком отношении находится происхождение его мировоззрения к идеям Ницше. Да для нас это в настоящую минуту и не важно. Важно здесь то, что ультрааристократические идеи д'Аннунцио почти тождественны со многими идеями Ницше. Как и подобает аристократу, д'Аннунцио ненавидит буржуазную демократию. «В Риме, — говорит он, — я видел самые бесстыдные осквернения, какие когда-либо бесчестили святыню. Подобно прорвавшейся клоаке, волна низких вожделений заливает площади и улицы... Король, потомок воинственного рода, подает удивительный пример терпения при исполнении низкой и скучной должности, которую предписал ему плебейский декрет». Обращаясь к поэтам, он говорит: «В чем же теперь призвание наше? Восхвалять ли нам всеобщее голосование, ускорять ли нам вымученными гексаметрами падение королевства, пришествие республики, захват власти чернью? Мы могли бы за умеренную плату уверять неверующих, что в толпе заключается вся сила, право, мудрость и свет». Но не в этом задача поэтов: «Клеймите бессмысленные лбы тех, которые хотели бы сделать все головы людские одинаковыми, подобно гвоздям под молотком слесаря. Пусть к небу подымается ваш неудержимый хохот, когда в собрании вы услышите гам конюхов большого животного — черни». Обращаясь к бессильным обломкам аристократического прошлого, он восклицает: «Ждите и подготовляйте событие. Вам нетрудно будет привести в повиновение стадо. Плебеи останутся всегда рабами, потому что у них врожденная потребность протягивать руки к цепям. Помните, что душа толпы только подвержена панике».

Вполне согласно с Ницше, д'Аннунцио находит необходимым переоценить все ценности, и это будет произведено: «Новый римский цезарь, природой предназначенный к господству, придет уничтожить или переместить все ценности, которые слишком долго были признаваемы различными доктринами. Он будет способен построить и перебросить в будущее тот идеальный мост, по которому привилегированные породы смогут, наконец, перейти пропасть, теперь еще отделяющую их, по-видимому, от вожделенного господства». Этим новым римским цезарем будет аристократ, «красивый, сильный, жестокий, страстный» (цитаты из д'Аннунцио сделаны нами по ст. г. Украинки в «Жизни», № 7, 1900). Это звероподобное существо мало чем отличается от «сверхчеловека» Ницше. «Хищный зверь-аристократ», по изображению Ницше, дает ценность человеку и каждой вещи; что ему полезно или вредно, то хорошо или дурно само по себе...

Пора закончить, тем более что работа наша и так затянулась превыше всяких ожиданий. Мы, конечно, не претендовали на исчерпывающую критику причудливых творений Фридриха Ницше, этого философа в поэзии и поэта в философии, — да это и невозможно сделать в рамках газетного фельетона. Мы хотели лишь в общих чертах обрисовать ту социальную почву, которая оказалась способной породить ницшеанство — не как философскую систему, заключенную в известном числе томов и во многом объяснимую чисто индивидуальными чертами ее творца, — но как *общественное течение*, привлекающее особенное внимание тем, что это — течение сегодняшнего дня. Такое сведение ницшеанства с литературно-философских высот к чисто земным основам социальных отношений представляется нам тем более необходимым, что чисто идеологическое отношение к ницшеанству, обусловливаемое субъективными моментами симпатии или антипатии к моральным или иным тезам Ницше, не доводит до добра, чему свежим примером в нашей журналистике служит г. Андреевич¹⁷, периодически подвергающийся истерическим припадкам на страницах «Жизни».

Не может, конечно, составлять большого труда — разыскать в многотомном собрании сочинений Ницше несколько страниц, которые, будучи вырваны из контекста, могут послужить для иллюстрации какого угодно предвзятого положения, особенно при соответственном истолковании, в котором, к слову сказать, весьма нуждаются сочинения Ницше, более темные, чем глубокие. Так поступили, например, западноевропейские анархисты, поторопившиеся причислить Ницше к «своим» и потер-

певшие за то жестокое разочарование: философ «господской морали» оттолкнул их со всей грубостью, на какую только был способен. Мы, как уже, надеемся, ясно читателю, не находим плодотворным такое, чисто словесное, текстуальное отношение к сочинениям недавно умершего немецкого парадоксалиста, афоризмы которого, часто противоречащие друг другу, допускают обыкновенно десятки толкований. Единственный путь к правильному изъяснению и освещению ницшеанской философии — это анализ общественной почвы, породившей этот сложный социальный продукт. Настоящая работа и представляет посильный анализ такого рода. Почва оказалась гнилой, злокачественной, зараженной... Отсюда мораль: пусть нас сколько угодно приглашают окунуться с полным доверием в ницшеанство, широкой грудью вдохнуть из творений Ницше свободный воздух гордого индивидуализма, — мы не последуем этим призывам и, не пугаясь дешевых упреков в односторонности и узости, скептически возразим вместе с евангельским Нафанаилом: «Из Назарета может ли быть что доброе?»

